

КАТЕГОРИЯ ЗАПРЕТА И СПЕЦИФИКА ЕЁ ЯЗЫКОВОГО ВЫРАЖЕНИЯ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX века

Категория запрета в русском языке может быть представлена как функционально-семантическая категория, план выражения которой формируется различными лексическими (*не следует, не годится, неприлично, запрещено, воспрещено, запрещается, воспрещается, нельзя* (во 2-ом значении 'не разрешается, не дозволено') *нет оснований, нет возможностей, нет шансов, не имеет права*), и морфолого-синтаксическими средствами (восклицательные отрицательные по смыслу односоставные инфинитивные и определенно-личные или неопределенно-личные предложения с обобщенно мыслимым субъектом действия и предикатом – личной формой глагола в изъявительном наклонении (как правило, во 2-ом или 3-ем лице), формой глагола 2-го лица ед./мн. ч. повелительного наклонения, инфинитивом; вопросительные конструкции).

Возможности, заложенные в языковой системе, в языке поэзии реализуются в зависимости от целей и задач общения и коммуникативных установок автора.

Собранный и проанализированный нами языковой материал (для исследования были взяты поэтические тексты А.Блока, О.Мандельштама, Б. Пастернака, А. Вознесенского) позволяет утверждать следующее.

1. В поэтических текстах используются как **прямой**, так и **косвенный** способы вербализации семантики запрета – *Из омута злого и вязкого Я вырос, тростинкой шуриша, И страстно, и томно, и ласково Запретною жизнью дыша* (О. Мандельштам. Из омута злого и вязкого); *«Не трогать, свежесвыкрашен»*, -- *Душа не береглась, И память – в пятнах икр и щёк, И рук, и губ, и глаз* (Б. Пастернак. Не трогать) *Дочь твоя – в креслах – весны розовой, Строже вечерних теней. Мы никогда не стучали при ней, Мы не шалили при ней* (= никогда не стучали, никогда не шалили, потому что это было не позволено) (А. Блок. Ты у камина, склонив седины...). *Люблю, когда, выжав педаль, хрустально, как тексты в хорале, ты скажешь: «Какая печаль! Права у меня отобрали...* (= отобрали права, следовательно, запретили ездить на машине) (А. Вознесенский. Нас много) [1].

2. Эксплицитное выражение семантики запрета в поэтических текстах встречается редко. Единичны примеры типа *Чур! Не просить, не жаловаться, цыц! Не хныкать! Для того ли разночинцы Рассохлые топтали сапоги, чтобы я теперь их предал?* (О. Мандельштам. Полночь в Москве);

Авторы сознательно избегают прямых формул запрета, обращаются к ним крайне редко и используют только в тех случаях, когда 1) их взгляд на ситуацию отражает общечеловеческие нравственные императивы – *Но старая в цепце, наморщив лоб свой низкий Кричит: «Ступайте прочь! Не оскорбляйте прах!»* (А. Блок. Я жалобной рукой сжимаю свой костыль); или *Профессор старшие галок и дрёв. Он пепельницу порет папиросой. Что в том ему, что этот гость здоров? Не суйся в дом без вызова и спросу* (Б. Пастернак. Двадцать строф с предисловием); 2) речь идет о всеобщем запрете – *А на улице вьюга Всё смешала в одно, И пробиться друг к другу Никому не дано* (Б. Пастернак. Вакханалия); 3) запрет относится к обобщенно-мыслимому субъекту и имеет характер

3) при отражении (цитации) реально существующих формул запрета -- *И только круглый витраж розетки почему-то парил над площадью, как знак: «Проезд запрещён»* (А. Вознесенский. Париж без рифм); 4) при олицетворении (персонификации) неодушевленных предметов – *Ещё о всходах молодых Весенний грунт мечтать не смеет. Из снега выкатив кадык, Он берегом речным чернеет* (Б. Пастернак. Ледоход). *Не трожь человека, деревце, костра в нем не разводи, И так в нём такое делается – божье, не приведи!* (

А. Вознесенский. Роща); *И влюблённость звала – **Не дала** отойти от окна, Не смотреть в роковые черты, оторваться от светлой мечты* (А. Блок. Влюблённость).

Семантическая область запрета в русской поэзии гораздо чаще оказывается представленной **имплицитно**, при этом отбор языковых средств и конструкций осуществляется из максимума языковых ресурсов. -- *Поднялся галдёж и лай, и только старый попугай громко крикнул из ветвей: «Жираф большой – **ему видней** (= ему позволено всё) (В. Высоцкий. Что случилось в Африке). Те, кто выбраны, те и судьи? **Я не выбран** (= мне нельзя быть судьёй). **Но я -- судья** (= я могу, должен быть судьёй) (А. Галич. Вот пришли и ко мне седины...); *А что души касается, про то забыть пора* (= можно забыть) (А. Галич. Прощание с гитарой); *Я бросил свой завод, хоть, в общем, **был не вправе*** (= было нельзя) (В. Высоцкий. Она была в Париже).*

Нередко основным средством выражения семантики запрета в поэтическом тексте является **контекст**. -- *Немножко пройдёт, немножко, каких-нибудь тридцать лет. И вот она, эта книжка, -- Не в будущем, в этом веке! Снимает её мальчишка С полки в библиотеке* (А. Галич. Песня про велосипед). В подтексте – вербализация семантической области «можно»: строки прочитываются как снятие запрета на то, что создано автором.

*Ожидание длилось, а проводы были недолги – пожелали друзья: «В добрый путь! Чтобы -- **всё без помех!** И **четыре страны** предо мной **расстелили дороги**, и **четыре границы шлагбаумы подняли вверх*** (В. Высоцкий. Из дорожного дневника.

Контекст может быть достаточно широким. И у А.Галича, и у В. Высоцкого встречаются стихотворные тексты, которые целиком подчинены выражению идеи разрешения или запрета. Так, в песне «За семью заборами», написанной А. Галичем совместно с Г. Шпаликовым, речь идёт о том, как живет высокое начальство, сталинские соколы. И через весь текст красной нитью проходит мысль – им всё разрешено и всё позволено, для них нет никаких запретов, ни внешних, ни внутренних. И главное противоречие нашего общества заключается в расхождении между словом и делом (*А в пути по радио Целый час подряд Нам про демократию делали доклад. А за семью заборами, За семью запорами, Там доклад не слушают – Там шашлык едят*).

В песне В. Высоцкого «Она была в Париже» тоже нет привычных формул запрета, однако песенный текст в смысловом отношении полностью располагается в семантической области запрета, поскольку в нем звучит столь актуальная для автора тема недостижимости любимого человека, несоединимости с ним.

3. Нередко при выражении семантики разрешения и запрета (как эксплицитном, так и имплицитном) наблюдается расширение семантического пространства поэтического текста. Дополнительные смыслы обнаруживаются в тех случаях, когда конструкции с предикатами, в значениях которых содержатся семы разрешения/запрета действия или оценка ситуации с точки зрения «можно – нельзя», допускают семантическую множественность интерпретаций. Расширение семантического пространства предиката обычно идет в трех направлениях: 1) в одной форме объединяются значения возможности и позволительности действия и наоборот – *Подпишем союз и – айда в стремена, и ещё чуток погрешим! .. И ты **можешь лгать**, и **можешь блудить**, И друзей **предавать** гуртом!* (= у тебя появится возможность и тебе будет позволено) *А то, что придётся потом пла- тить, Так ведь это ж, пойми, потом* (А. Галич. Ещё раз о чёрте). *Мы гнёмся в три поги- бели – ну, что ж, Такой уж ветер... Только, друг, ты знаешь – зато ничем нас после **не согнёшь**, зато нас на равнине **не сломаешь!*** (= не сможешь сломать, нельзя будет сло- мать) (В. Высоцкий. Кто старше на четверть века...);

2) в сферу разрешения/запрета действия втягиваются ещё модальные значения дол- женствования или необходимости действия – *А в окно ещё виден Кусочек земли, И не- множко бетона. Немножко травы... **Отстегните ремни! Отстегните ремни! Навсегда отстегните ремни!*** (= можно, нужно, должны отстегнуть ремни) (А. Галич. Песня о ноч- ном полёте). *И когда наши девушки сменят шинели на платица, -- **не забыть бы тогда,***

не простить бы и не потерять (= нельзя, не должны забыть...) (В. Высоцкий . песня о новом времени);

3) предикат допускает двойную интерпретацию смысла с выходом в обе семантические области – как «можно», так и «нельзя». В стихотворении В. Высоцкого «Разведка боем» рефреном идут строки – *Кто со мной? С кем идти? Так, Борисов... Так, Леонов... И ещё этот тип из второго батальона!* В рамках широкого контекста конструкция *С кем идти?* допускает двойное прочтение: с кем (можно) идти? с кем (нельзя) идти? В середине стихотворения она трансформируется в *с кем в другой раз* (можно/нельзя) *ползти?* И только в последнем четверостишии её содержание резко меняется и звучит горько и по-солдатски сурово: -- **С кем в другой раз идти?!** Где Борисов? Где Леонов?.. И парнишка затих из второго батальона.

4. Семантическая область «нельзя» представлена шире, нежели семантическая область «можно» как у В. Высоцкого, так и у А. Галича (смысловое поле «можно» у А. Галича актуализируется всего в 22 текстах, у В. Высоцкого – в 30). В какой-то мере это объясняется, видимо тем, что идея запрета в принципе очень сильна в менталитете русского человека [2].

Языковое выражение смыслов, связанных с выражением невозможности действия или его запрета, у каждого из авторов имеет свою специфику.

Для В. Высоцкого характерно глагольное оформление семантики, заключенной в лексеме *нельзя*. Он активно использует не только типичные для данной ситуации формы повелительного наклонения с отрицательной частицей *не* и инфинитивы, но и предикативные формы глаголов. Ср.: *Мы ползём, к ромашкам припадая, Ну-ка, старшина, не отставай!* (В. Высоцкий. Разведка боем); *Материнства не взять у Земли, не отнять, как не вычерпать моря* (В. Высоцкий. Песня о земле); *Сегодня я особенно хриплю, но изменить тональность не рискую* (= мне нельзя, я не могу себе этого позволить). Другие языковые средства (устойчивые словосочетания, конструкции с предикатом *нет*, отрицательные конструкции, контекст) при заполнении семантической области «нельзя» в стихотворных текстах В. Высоцкого встречаются, но редко: *Мы рубим ступени... Ни шагу назад! И от напряженья колени дрожат...* (Вершина); *Мы на приметы наложим вето, Мы чтим чутьё компасов и носов* (Мы говорим не «штормы», а «шторма»...); *Разрешите сделать вам примечание: никаких воздушных ям и качания...* (Скоморохи на ярмарке); ... *на татуированном кровью снегу наша роспись: мы больше не волки* (= нам не позволяют быть больше волками, мы не можем быть больше волками) (Охота на волков).

У А. Галича при заполнении семантической области «нельзя» наблюдается удивительное разнообразие языковых средств, среди которых встречаются, конечно же, и глагольные формы, но реже, чем в стихотворных текстах В. Высоцкого. Чувствуется, что автор свободен от грамматических стереотипов и явно тяготеет к нестандартным формулам запрета, характерным для русской разговорной речи, а иногда и для просторечия – *Ревут сирены зычные, Прохожий – ни-ни-ни! На Лену заграничные Огни летят, огни* (Леночка); *А ей плевать, что поздно, что комендантский час...* (Снова август); *Только век меня держит цепко, С ходу гасит любой порыв. И от горестей нет рецепта, Все, что были, сданы в архив* (То-то радости, пустомелям...). Довольно часто семантическая область «нельзя» у А. Галича вербализуется с помощью лексических средств, кратких форм страдательных причастий, вопросительных конструкций или контекста. – Ср.: *И не знают вельможные каты, что не всякая близость близка И что в храме ре-минорной токкаты Недействительны их пропуска* (Слушая Баха...); *Брест и Унгены заперты! Дозоры и там и тут!* (Я выбираю свободу); **Что ж ты делаешь, подлец?!** (= это запрещено делать) *Брось кайло немедленно!* (Ночной разговор в вагоне-ресторане); «Эй, ты – в брючках, пшено, дешёвка, Ты отчаливай, не форси! Тут трамвайная остановка, а не очередь на такси!» (= здесь запрещено стоять) (Вечерние прогулки). Только у А. Галича встречается заполнение семантической области «нельзя» сложными предложениями с пояснительными отношениями между частями: в одной из частей содержится объяснение, поче-

му запрещено или невозможно то, о чем говорится во второй части – *Я бы в крик, да на стекле ветровом Он картиночку приклеил, подлец!* (= нельзя в крик, потому что...) (Песня-баллада про генеральскую дочь); *А поверьте, ей-же Богу, Если все шагают в ногу – Мост об-ру-ши-ва-ет-ся!* (= нельзя, не позволено шагать в ногу, потому что...) (Закон природы). *Посошок бы выпить на дорожку, Только век, к несчастью, не такой* (= не позволено выпить на дорожку посошок, так как...) (Посошок бы выпить на дорожку...)

5. В семантических областях «можно-нельзя» у обоих авторов отчетливо выделяются два поля: в первом концентрируются запрет и разрешение, направленные на действия и поступки лирического героя как бы извне, второе представляет собой совокупность внутренних нравственных решений лирического героя – *Кто из смертных не скажет, что мне повезло?! И пою, что хочу. И кричу, что хочу, И хожу в благодати, как нищий в обновке. Пусть движенья мои в этом платье неловки – Я себе его сам выбирал по плечу* (А. Галич. Заклинание Добра и Зла). В данном контексте речь идет о внутренней свободе лирического героя: он сам определяет позволительность/непозволительность своих действий и поступков и сам отвечает за свой выбор. А лирический герой В. Высоцкого балансирует между «можно и нельзя» в следующих строках: *И можно свернуть, обрыв обогнуть, но мы выбираем трудный путь, опасный, как военная тропа!* (В. Высоцкий. Вершина). Или формулирует своё жизненное кредо таким образом: *Я лишнего и в мыслях не позволю, когда живу от первого лица* (И вкусы и запросы мои странны...).

На столкновении внешнего «можно» с внутренним «нельзя» построено стихотворение В. Высоцкого «Мой Гамлет». – *Я знал, мне будет сказано: «Царуй!»* (= позволено, возможно всё) -- *клеймо на лбу мне рок с рожденья выжгет .. Но отказался я от дележа наград, добычи, славы, привилегий .. Я позабыл охотничий азарт, возненавидел и борзых, и гончих, Я от подранка гнал коня назад и плетью бил загонщиков и ловчих.. Я прозревал, глупея с каждым днём, я прозевал домашние интриги. Не нравились мне век, и люди в нём не нравились. И я зарылся в книги.* Нравственный выбор лирического героя резко расходится с тем, что предлагается ему жизнью и обществом.

Противопоставление внешнего «можно» с внутренним «нельзя» отражается и в строках А. Галича – *И бежит за мною переводчик, Робко прикасается к плечу: «Вам разрешено остаться, Корчак!» Если верить сказке – я молчу* (Песенка девочки Нати про кораблик). Разрешено остаться – означает: вы будете жить, но лирический герой молча продолжает свой путь, потому что он не может оставить детей, обреченных на смерть. Внутренний запрет прямо не формулируется автором, он выражается имплицитно через контекст и внутреннее несогласие героя, отражённое в конструкции *я молчу*. И это, видимо не случайно. Автор сознательно избегает пафоса и громких слов, ибо решение учителя нравственно в своей основе, оно должно быть не исключением, а нормой для человеческого сообщества.

Мотив внутреннего запрета звучит и в стихотворении А. Галича «Поезд». В тексте нет специфических форм и конструкций, с помощью которых обычно выражается идея запрета. Поэт просто описывает, как мы живём равнодушно, праведно и душевно, спокойно выбираем окольные пути, не рвемся ни в бой, ни в поиск, замкнувшись в своих квартирах, благополучно забыв о совести и чести. И вдруг в этот безмятежный мир врывается тревожная нота: -- *Но помни: отходит поезд! Ты слышишь? Уходит поезд Сегодня и ежедневно. .. А мы балагурим, а мы куролесим, Нам недругов лесть как вода из колодца! А где-то по рельсам, По рельсам, по рельсам – Колёса, колёса, колёса, колёса...* Куда идёт этот поезд? Кого он везёт? На эти вопросы нет ответа, но в сознании читателя сразу возникает мысль – так, как описывает автор, жить нельзя.

6. Эмоционально-экспрессивный и эстетический потенциал семантики разрешения и запрета активно используется и В. Высоцким и А. Галичем. Чаще всего авторы прибегают к смысловому противопоставлению семантических областей *можно -- нельзя*. – *Правители, ставьте* (= можно, позволено) *статуи, а памятники – не смейте* (= нельзя) (А. Галич. Первая песенка шута); *Нет свободных падений с высот* (= нельзя свободно прыг-

нута с высоты), *но зато **Есть свобода раскрыть парашют*** (= можно раскрыть парашют) (В. Высоцкий. Затяжной прыжок).

Антитезу, основанную на столкновении смыслов *можно – нельзя* особенно часто использует А. Галич. Некоторые его стихотворения («Предостережение», «Спрашивайте, мальчишки!», «Вот пришли и ко мне седины») целиком построены на семантическом противопоставлении разрешения и запрета. Так, смысловое пространство текста стихотворения «Спрашивайте, мальчишки!» организуется с помощью чередующихся конструкций с предикативными центрами «не+форма повелительного наклонения», «форма повелительного наклонения», «сколько бы ни + инфинитив», «надо+инфинитив». – *Снова замаячили боль, боль, Снова рвутся мальчишки в пыль, в бой! Вы их не пугайте, не отваживайте* (= не надо, нельзя пугать...), *Спрашивайте, мальчишки, спрашивайте, Спрашивайте, мальчишки, спрашивайте, Спрашивайте, спрашивайте* (= можно, нужно, должны спрашивать)! *Спрашивайте: как и почему? Спрашивайте: как и почему? Как, и отчего, и почему – Спрашивайте, мальчишки, отцов! Сколько бы ни резать ветчину, Сколько бы ни резать ветчину, -- Надо ж отвечать в конце концов!* (= нельзя молчать бесконечно). Семантика разрешения и запрета в данном тексте сочетается с модальными значениями необходимости и долженствования действия, но в целом прочитывается достаточно отчетливо благодаря концентрации смысла в сознательно повторяющихся автором строках.

Иногда антитеза *можно – нельзя* у А. Галича как бы завершает тему. Так, стихотворение «Виновники найдены...», сюжет которого, на первый взгляд, незатейлив и шутилив в силу своего неправдоподобия (речь идет о том, как были украдены на пути из Венесуэлы в Советский Союз два бочонка с рифмами), заканчивается строками с весьма глубоким смыслом -- *Хоть всю землю шагами **выстели**, (по морям, по волнам), Хоть расспрашивай* (= можешь выстелить, тебе позволено выстелить...) *всех и каждого, С чем рифмуется слово «истина» -- **Не узнать*** (= невозможно, нельзя) *ни поэтам, ни гражданам!*

Иногда А. Галич не противопоставляет, а, наоборот, объединяет в контексте различные по своей лексической и грамматической семантике формы – *По площади по Трубной Идёт он, милый друг, И всё ему **доступно*** (= ‘соответствует силам и возможностям’), *что видит он вокруг! **Доступно** кушать сласти И газировку **пить**...* (= позволено + ‘соответствует силам и возможностям’) *Лишь при Советской власти Такое **может быть*** (= возможно) (А. Галич. Баллада о сознательном). В результате возникает образ сомнительно свободного советского человека, о котором автор пишет с горечью и иронией.

Смысловое противопоставление семантических областей *можно – нельзя* у В. Высоцкого нередко сочетается с **лексическим повтором** и **концентрацией** конструкций, которая проявляется либо 1) в использовании различных по семантике лексем, запрещающих или разрешающих действие, либо 2) в введении одной конструкции, рефреном идущей через весь стихотворный текст или опоясывающей его.

Так, в стихотворении «Мне судьба – до последней черты. До креста...» автор, говоря от первого лица о том, что предназначено его лирическому герою судьбой (*мне судьба – до последней черты, до креста **спорить** до хрипоты (а за ней – немота), **убеждать и доказывать** с пеной у рта, что – не то это вовсе, не тот и не та...*), наряду с идеей предназначенности косвенно выражает и идею оправданности (следовательно, и позволительности) его действий и поступков. Однако даже то, что предначертано (= разрешено) судьбой, в реальности часто оказывается неосуществимым – *Только чашу испить – **не успеть на бегу**, даже если разлить – **всё равно не смогу**. Или выплеснуть в наглую рожу врагу?.. Не ломаюсь, не лгу – **не могу. Не могу!** На вертящемся гладком и скользком кругу равновесье держу, изгибаюсь в дугу! Что же с чашею делать?! Разбить – **не могу!** Потерплю – и достойного подстерегу: Передам – и не надо держаться в кругу. И в крошечную тьму, и в неясную згу, Другу передоверивши чашу, сбегу... Смог ли он её выпить – **узнать не смогу***. Все выделенные конструкции прямо не запрещают, они скорее уводят в область модального значения возможности-невозможности действия, одновременно сиг-

нализируя о присутствии косвенного императива запрета в жизни лирического героя. И только в последних четверостишиях мотив запрета звучит отчетливо, причем мотив запрета внутреннего, а не внешнего – *Даже если сулят золотую парчу .. На ослабленном нерве я не зазвучу.. Лучшие голову песне своей откручу – но не буду скользить, словно пыль по лучу!*

Рефреном через всё стихотворение «Мерцал закат, как блеск клинка...» идет конструкция *отставить разговоры!*, категорически запрещающая действие в экстремальной ситуации ожидания боя.

Парадигма запрета в стихотворении В. Высоцкого «Семья в каменном веке» выстраивается с помощью конструкций с предикативными центрами *не тронь, не смей, не опошляй, я не могу сидеть (с тобой), не выйди, не достать (камней), нельзя (из людоедов) брать жену, не ссорь, не клевети*. Автор в полной мере использует типичные для разговорной речи формулы запрета и с их помощью выстраивает своеобразный свод правил поведения женщины в семье каменного века.

Итак, вербализация семантических областей **можно -- нельзя** в поэзии бардов обеспечивается разнообразными языковыми средствами и способами, среди которых преобладают морфолого-синтаксические. Для авторов в равной степени актуальными являются как прямые, так и косвенные формы выражения разрешения и запрета, при этом семантическая область «можно – нельзя» в поэзии бардов гораздо чаще оказывается представленной **имплицитно**. Это позволяет, с одной стороны, избежать категоричности и императивности, а с другой – создаёт условия для неявного, ненавязчивого выражения авторских оценок и позиций. И для В. Высоцкого, и для А. Галича важны и интересны коммуникативные и психологические ситуации не только внешних, но и внутренних запрета и разрешения: лирический герой каждого из поэтов предъявляет к себе не менее высокие нравственные требования, чем к обществу. Семантические области «можно – нельзя» в поэзии бардов нередко пересекаются, что отражается в двух противоположных по своей сути процессах: 1) в синкретизме семантики разрешения и запрета, сознательном соединении их значений в поэтическом тексте; а) в постоянном смысловом противопоставлении «можно» и «нельзя» в семантическом пространстве текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Здесь и далее примеры цитируются по: Высоцкий В. Нерв. – М.: «Современник», 1988; Галич А. Песня об отчем доме. – М.: «Локид-пресс», 2003.

2. Харченко Е.В. Модели речевого поведения в профессиональном общении. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2003. – С. 255.

В докладе будут рассмотрены следующие проблемы:

- 1) прямые и косвенные способы вербализации семантики запрета;
- 2) эксплицитное и имплицитное выражение семантики запрета;
- 3) связь категории запрета с категорией модальности (синкретизм семантики запрета и семантики невозможности или долженствования действия);
- 4) внешний (направленный на действия и поступки лирического героя как бы извне) и внутренний (собственное нравственное решение лирического героя) запрет; их соотношение в поэтическом тексте;
- 5) специфика языкового выражения семантики запрета в индивидуально-авторских поэтических системах (А. Блок, О. Мандельштам, Б. Пастернак, А. Вознесенский) языковые формулы запрета как маркеры идиостиля поэта.

Анализ данных вопросов позволит выделить актуальные для каждого из авторов семантические зоны запрета и способы их языкового выражения, показать качественное и количественное различие в характере коммуникативных и психологических ситуаций, требующих использования формул запрета, в зависимости от авторского восприятия мира и степени воздействия на него социальной среды.